

В.В. Дементьева

ПРИЧИНЫ СОЗДАНИЯ И ЦЕЛЕВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ДЕЦЕМВИРАТА

Середина V в. до н.э. явилась в римской истории рубежом, ознаменовавшим окончание первой фазы становления республиканского устройства. Ее завершение приходится на период деятельности особой коллегии – *decemviri consulari imperio legibus scribundis*, как она названа в консульских фазах (CIL. V. 1. P. 16). Это совпадение отражало логику политического развития римской общины, эволюции республиканской исполнительной власти в единстве составлявших ее ординарной и экстраординарной ветвей. Первый шестидесятилетний период формирования республики, по нашему мнению, имел итогом важную веху в складывании высшей ординарной магистратуры – превращение ранней претуры в консулат после децемвирата и второй сецессии плебеев. Такое преобразование было результатом не только внутреннего развития высшей постоянной должности, на него весьма существенно повлиял и опыт применения чрезвычайных структур исполнительной власти. При том, что экстраординарные институты не были, по нашему убеждению, непосредственными звеньями формирования консулата (мы не поддерживаем теории ординарной диктатуры, ординарного *interregnum* и др.¹), их использование безусловно оказало воздействие на процесс становления постоянной магистратуры. Следует ли, анализируя ход этого процесса, рассматривать децемвират в качестве одного из ранних вариантов собственно высшей ординарной должности или же роль его на пути оформления консулата должна пониматься иначе, аналогично (в принципиальном плане, а не в конкретных проявлениях) воздействию опыта применения раннереспубликанской диктатуры или междуцарствия? Определение характера магистратуры децемвиров в свою очередь зависит от ответа на вопрос о причинах ее появления и целевом назначении.

Рубежным временем середина V в. до н.э. может быть названа также потому, что именно после использования в политической практике децемвирата (451–449 гг. до н.э.) в системе римской исполнительной власти был закреплен ряд главных, основополагающих принципов ее функционирования, которые сохраняются на протяжении всей республиканской эпохи (хотя, конечно, будут еще в дальнейшем совершенствоваться), обеспечивая стабильность существования государства и рост его могущества. Не случайно Полибий (VI. 11. 1) относил возникновение совершенного римского государственного устройства ко времени тридцатилетия спустя после похода Ксеркса на Грецию, т.е. собственно к моменту деятельности комиссии децемвиров.

Исторически вполне очевидно, что создание децемвирата в середине V в. до н.э. было обусловлено сложным переплетением ряда факторов: остротой социальных противоречий, назревшими задачами правового регулирования общественной жизни, потребностями развития политической системы. Однако на вопросы о том, производными какого из этих факторов следует признать конкретные причины появления коллегии десяти, какие процессы и обстоятельства непосредственно вызвали к жизни

¹ См. Дементьева В.В. Структуры чрезвычайной власти ранней Римской Республики (V–III вв. до н.э.): Дис... д-ра ист. наук. М., 2001. С. 14–23, 761–763; она же. Структуры чрезвычайной власти ранней Римской Республики (V–III вв. до н.э.): Автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 2001. С. 9–13, 38–39.

этот орган власти, что было доминирующим и решающим в его возникновении (а следовательно, предопределило его целевое назначение), – в историографии двух последних веков были предложены разнообразные, иногда пересекающиеся, иногда не имеющие точек соприкосновения, а то и взаимоисключающие ответы. При этом сами авторы часто весьма нечетко определяли свою исследовательскую позицию по данной проблеме, нередко совсем не вспоминали о наличии иных концепций ее разработки, не проявляя даже желания отметить, оригинальна ли их оценка или же их мысль движется в фарватере чьих-то мнений. Поэтому для начала мы предпримем попытку «препарирования» историографии по вопросу о причинах возникновения децемвирата, отдавая себе отчет в том, что в стремлении выявить суть той или иной точки зрения мы неизбежно будем в чем-то ее огрублять, полагая, вместе с тем, что без сведения к главному, без известной схематизации анализ в принципе невозможен.

Если мы бросим общий взгляд на антиковедческие изыскания в очерченной проблеме, то главными линиями в подходах и трактовках будут, по нашему мнению, с одной стороны, представление о необходимости кодификации законов как главной причине создания коллегии децемвиров, а с другой стороны – выделение в качестве такой причины стремления реорганизовать систему исполнительной власти путем создания новой магистратуры. Странники как одного, так и другого направления достаточно тесно связывают предпосылки возникновения децемвирата с сословной борьбой патрициев и плебеев, при заметной вариативности в определении нитей этой связи, а также при многообразии точек зрения не только на причинно-следственные характеристики процессов, принятых исследователями за основополагающие, но и на существенные детали, образующие их канву.

Гипотеза, рассматривающая в качестве основной причины создания децемвирата потребность в записи законов, очевидным образом, базируется на том, что главным итогом деятельности его членов было составление первого римского свода правовых норм. Важнейший результат существования коллегии, т.е. следствие, тем самым воспринимается как первоочередной побудительный мотив, вызвавший к жизни ее появление. Хотя прямолинейная логика причинно-следственных связей в исторических событиях вполне может реализоваться, тем не менее, происходит это далеко не всегда, поэтому реконструкция причины только по известному следствию может привести и к неадекватным выводам. Ибо обусловить возникновение того или иного государственного органа могут определенные причины, а результаты его деятельности могут серьезно расходиться с целевым назначением, вытекавшим из этих причин. Это соотношение заставляет нас внимательно отнестись не столько к общей логике данной концепции (так как для нас она не может быть решающим аргументом), сколько к нюансам хода исследовательской мысли отдельных ее сторонников. Исходной посылкой практически для всех приверженцев данной концепции является констатация настойчивого требования записи законов именно со стороны плебеев². Но этим отправным моментом общность взглядов и исчерпывается, поскольку на принципиальный вопрос о том, что было содержательной целью законотворческой деятельности децемвиров (и следовательно, в чем заключалась непосредственная причина составления свода законов), они явно расходятся. Суть одной из точек зрения состоит в признании того, что при законодательной работе децемвиров целевая установка сводилась к уравнению в правах плебеев с патрициями. Как формулировал Йозеф Фогт, «их поручение состояло в том, чтобы через запись права ввести равенство между патрициями и плебеями»³, т.е. именно указанное стремление обусловило составление XII таблиц, а значит, и сам факт существования в политической жизни комиссии десяти мужей. В качестве попытки обеспечить уравнение сословий романисты рассматривали

² Вегнер В. Рим. История и культура римского народа для любителей классической словесности и для самообразования. СПб., 1902. С. 140; D' Ippolito F. Le XII Tavole: il testo e la politica // Storia di Roma. V. I. Torino, 1988. P. 398–399; Mustakallio K. Death and Disgrace. Political Penalties with Post Mortem Sanctions in Early Roman Historiography. Helsinki, 1994. P. 67.

³ Vogt J. Römische Geschichte. 4. Aufl. Basel-Freiburg-Wien, 1959. S. 46.

законодательную деятельность децемвиров начиная со времен Георга Пухты, который характеризовал само это уравнение как не совсем честное и открытое, а попытку считал неудавшейся⁴. Вильгельм Ине, со своей стороны, подчеркивал, что при возникновении задачи кодификации законов (в конце 60-х годов V в. до н.э.) речь шла только о частном праве, а не о государственном устройстве⁵. Доведение до логического конца идеи о достижении равенства плебеев и патрициев в рамках формировавшегося *ius civile* как целевой установке кодификации права децемвирами неизбежно приводит, на наш взгляд, к выводу о принципиальной новизне законодательства, которое предстояло создать децемвирам. Однако тогда же, в первой половине XIX в., было сформулировано противоположное утверждение, согласно которому целью деятельности коллегии десяти было не собственно законотворчество, не написание новых правовых норм, а приведение в порядок, запись и объяснение прежних законов⁶. Этот взгляд сохранился и в историографии следующего столетия⁷, и, например, Д.В. Дождев определяет степень новаторства децемвиров в области частного права как крайне низкую, отмечая, что «само их назначение соответствует более консервативным, нежели реформаторским целям»⁸. Весомым доводом против трактовки задачи составления XII таблиц как достижения равенства сословий стало обоснование Э. Тойблером в начале 20-х годов XX в. вывода, что сведения источников об этом есть след младшей, малодостоверной, анналистической традиции⁹. В любом случае признание уравнения сословий в сфере действия частного права целью создания децемвирального законодательства заставляет исследователей говорить о том, что она так и не была достигнута, ибо содержание статей XII таблиц свидетельствует о сохранении неравенства сословий, а подтвержденный в них запрет смешанных браков был, по определению Алана Уотсона, прямым оскорблением плебеев¹⁰. Признание же целью децемвирального законодательства только записи обычного права, в том виде, как оно сложилось к середине V в. до н.э., без внесения принципиальных изменений в положение сословий, позволяет исследователям считать изначальную цель достигнутой.

Иная точка зрения, высказанная в рамках той же гипотезы о потребности в кодификации законов как основополагающей причине введения магистратуры децемвиров, сводится к утверждению, что эта кодификация преследовала цель политических перемен, изменений в осуществлении государственной власти. В частности, по рассуждениям Ханса Фолькмманна, законодательство XII таблиц поддержало «маленького человека» перед произволом патрицианских должностных лиц, что имело следствием претензии верхушки плебеев на участие в занятии должностей, а затем и реализацию этих притязаний¹¹. Разделяя, как нам кажется, мнение сторонников этого направления, Л.Л. Кофанов акцентирует внимание на том, что в составе кодекса децемвиров были статьи, посвященные сакральному и публичному праву¹².

Подчеркнем, что, как показывает наш анализ историографии проблемы, авторы, придерживающиеся означенной позиции, считают главной целью законодательства не установление равенства сословий в сфере действия частного права, а именно ограничение возможностей патрицианской олигархии в области публичного права, государственного руководства (ибо ее сила, по замечанию Р.М. Огилви, заключалась в воз-

⁴ Пухта Г.Ф. История римского права. Ч. I. М., 1864. С. 80–81.

⁵ Ine W. Römische Geschichte. Bd I. Lpz, 1893. S. 175.

⁶ Копп У. Римские древности. М., 1868. С. 62.

⁷ См., например: Покровский И.А. История римского права. СПб., 1998. С. 117; Alföldy G. Römische Sozialgeschichte. Wiesbaden, 1975. S. 15.

⁸ Дождев Д.В. Римское частное право. 2-е изд. М., 1999. С. 18.

⁹ Täubler E. Untersuchungen zur Geschichte des Dezemvirats und der Zwölftafeln. B., 1921. S. 59.

¹⁰ Watson A. Rome of the XII Tables. Persons and Property. New Jersey, 1975.

¹¹ Volkman H. Grundzüge der Römischen Geschichte. Darmstadt, 1982. S. 27.

¹² Кофанов Л.Л. К вопросу о палингенезе законов XII таблиц // Законы XII таблиц / Сост. и пер. Л.Л. Кофанова. М., 1996. С. 175–210.

возможности управлять посредством неписаных законов¹³). Тем самым благодаря кодификации законов децемвирами произошел отход от олигархического господства, была сделана уступка демократическим требованиям¹⁴. Делая такой вывод, сторонники данной концепции неожиданно близко подходят к трактовке причин создания децемвирата приверженцами теории, усматривающей таковые в потребностях реорганизации римской политической системы. Разница в данном случае только в том, что если одни видят предпосылки создания децемвирата в необходимости кодификации законов, которая была направлена, по их мнению, на трансформацию государственно-правовых институтов, то вторые – непосредственно в назревшей необходимости реформирования таких установлений путем учреждения новой магистратуры. Иначе говоря, те и другие видят конечную цель введения децемвирата в изменениях политического устройства, но одни рассматривают ее достижение «трехступенчато» (выстраивая такую цепочку: потребности в кодификации законов вызвали к жизни комиссию десяти, которая, создав писаное право, обеспечила тем самым реформирование исполнительной власти), а другие считают, что цель эта достигалась прямо самим фактом создания новой магистратуры из десяти членов. Здесь мы уже касаемся главного (и, без сомнения, принципиального) различия между двумя основными подходами в решении вопроса о причинах возникновения децемвирата, – авторы, разделяющие второй из этих подходов, в большинстве своем понимают комиссию десяти как вновь образованный постоянный орган исполнительной власти.

Первым, кто предложил трактовку децемвирата в качестве ординарной магистратуры, видоизменившей государственное управление римской общины, был Бартольд Нибул¹⁵. В соответствии с его концепцией, децемвират заменил собой высшие органы власти, существовавшие до него, совместив в себе функции и консулата, и плебейского трибуната. Причем это совмещение предполагалось не временным, двухгодичным, а регулярным, ежегодным. Тем самым создавалась постоянная, впервые патрицианско-плебейская по составу, структура исполнительной власти. В дальнейшем она расчленилась на три магистратуры (с тем же совокупным количеством должностных мест – 10): консулярный военный трибунал (шесть человек), цензуру (двое) и квестуру (двое). Основные положения этой гипотезы были восприняты А. Шwegлером, который, считая ее наполненной глубоким смыслом, впрочем, не поддерживал в отдельных моментах: в частности, он не был солидарен с Б. Нибуром в представлении о разделении децемвирата как единого органа на несколько магистратур¹⁶. Из следовавшей непосредственно за Б. Нибуром плеяды немецких историков скептически отнесся к принципиальным положениям его концепции, пожалуй, только Вильгельм Беккер¹⁷. Безоговорочно отстаивал ее Иоганн Мадвиг¹⁸, а в определенном отношении развил, но в целом и существенно видоизменил Теодор Моммзен¹⁹.

Считая предназначением децемвирата создание нового порядка, Т. Моммзен усмотрел в качестве главного новшества задуманного переустройства упразднение плебейского трибуната через уравнивание сословий в политических правах. При этом, по его мнению, ликвидация консулата не планировалась, а следовательно, как можно продолжить мысль Т. Моммзена, не предполагалось сохранять децемвират в качестве постоянного органа высшей исполнительной власти. По сути, следует выделить трак-

¹³ Ogilvie R.M. A Commentary on Livy. Books 1–5. Oxf., 1965. P. 412.

¹⁴ Ibid. P. 452.

¹⁵ Niebuhr B.G. Römische Geschichte. B., 1812. S. 107–144; 3. Aufl. B., 1853. S. 526–539, 553. Целью децемвирального законодательства Б. Нибул считал сближение и, по возможности, уравнивание патрициев и плебеев, создание общего для всех римлян, без различия сословий, государственного права.

¹⁶ Schwegler A. Römische Geschichte. Bd. 3. Tübingen, 1858. S. 6–17, 112–114.

¹⁷ Becker W.A. Handbuch der Römischen Altertümer. Bd 2. Abt. 2. Lpz., 1846. S. 128–133.

¹⁸ Madvig J.N. Die Verfassung und Verwaltung des römischen Staates. Bd I. Lpz., 1881. S. 499–501.

¹⁹ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd 2 Lpz., 1874. S. 662–666; *idem*. Abriss des römischen Staatsrecht. Lpz., 1893. S. 188–189; *idem*. Römische Geschichte. B., 1874. S. 279–282; Моммзен Т. История Рима. Т. I. СПб., 1994. С. 231–234.

товку Т. Моммзена в отдельную концепцию, имеющую точки соприкосновения с другими (в том числе и с гипотезой о кодификации права как главной причине создания децемвирата), но заметно отличающуюся от них.

Подходы Б. Нибура и Т. Моммзена к проблеме причин возникновения магистратуры *decemviri legibus scribendis* (имеющие общую посылку в виде признания причиной возникновения децемвирата потребности кардинального преобразования политической системы посредством создания новой магистратуры, но различающиеся в трактовке ее характера) нашли сторонников и противников не только в немецкой историографии, но и у представителей других национальных школ антиковедения. Среди русских ученых более других склонялся к поддержке идей Б. Нибура В.И. Герье, но он не считал закрытым вопрос о том, был ли децемвират задуман как постоянное или как временное учреждение²⁰. И.В. Нетушил, соглашаясь с Б. Нибуром в том, что при оформлении комиссии децемвиров все прежние магистратуры были объединены в одну общую коллегию, не был уверен в правильности его вывода о постоянном характере созданного органа. «Неизвестно, – писал И.В. Нетушил, – предполагалось сохранить это нововведение на все будущее время... или только на время составления свода законов»²¹.

Продолжателем «линии Моммзена» в решении данной проблемы явился Отто Карлова, подчеркивавший, что децемвират имел характер не постоянной, а чрезвычайной магистратуры, предназначенной не для установления надолго, а для решения временной задачи записи законов²². Пожалуй, О. Карлова, видевший в создании децемвирата важные изменения государственного управления, более, чем кто бы то ни было другой, занимал исследовательскую позицию «на стыке» двух направлений в объяснении причин возникновения децемвирата, – точек зрения о преобладающей задаче законодательной деятельности и о доминировании потребности реорганизации исполнительной власти.

Своеобразным оппонентом мнению Т. Моммзена выступил Вильгельм Зольтау, также исходивший из того, что во время децемвирата были проведены важные политические реформы²³. Он подробно аргументировал положение о том, что речь шла не о ликвидации плебейского трибуната, как полагал Т. Моммзен, а о стремлении «привести эту революционную должность в связь с государственным правом, поручить плебейским должностным лицам государственные функции»²⁴. В исследовании В. Зольтау также делались выводы о превращении со времен децемвирата должности эдилов из чисто плебейской в общегосударственную, об изменении политической роли *concilium plebis*, о возвышении сената над магистратами и др.²⁵ Таким образом, считая причиной политического рождения коллегии децемвиров необходимость преобразований государственного управления, В. Зольтау видел суть этих реформ по-своему.

Взгляд на появление децемвирата как на конституционную реформу разделял Франческо де Мартино²⁶, усматривая в этом органе своеобразное возвращение ко множественности правителей, существовавшей в первые дни Республики (по его мнению, перед учреждением децемвирата высшая власть была сосредоточена в руках одного *magister populi*). В отношении характера магистратуры Ф. Де Мартино был близок к трактовке Т. Моммзена и О. Карловы, рассматривая ее как временный орган для оформления законодательства.

Отдельно следует остановиться на точке зрения Жака Эргона, который усматривал причины появления децемвирата в желании патрициев сохранить олигархическое прав-

²⁰ Герье В.И. История Рима. Республиканский период. [Б.м.] 1889. С. 126.

²¹ Нетушил И.В. Обзор римской истории. Харьков, 1916. С. 50.

²² Karlowa O. Römische Rechtsgeschichte. Lpz, 1885. S. 103.

²³ Soltau W. Der Decemvirat in Sage und Geschichte // ZSS. 1917. Bd 38. S. 2.

²⁴ Ibid. S. 6.

²⁵ Ibid. S. 7–12.

²⁶ De Martino F. Storia della costituzione romana. Napoli, 1958. P. 253–254.

ление, не допустить плебеев к консулату²⁷. То есть считая, что причины эти лежат в плоскости государственного управления, Ж. Эргон в отличие от многих исследователей видел целевое назначение коллегии десяти мужей не в развитии демократизации, а в прямо противоположном направлении. Соответственно, хотя Ж. Эргон связывал введение децемвирата с сословной борьбой, инициативу его создания он, очевидно образом, приписывал не плебеем (как это распространено в историографии), а патрициям. Главной же целью (и результатом) законодательной деятельности децемвиров он считал не уравнение в правах плебеев, не замену обычного права письменными законами, а «секуляризацию» закона, отказ от *fas* в пользу *ius*²⁸.

В определенном смысле сочетанием традиционного представления о характере связи возникновения магистратуры децемвиров с сословной борьбой и точки зрения Ж. Эргона можно считать мнение Эндре Ференци, который, с одной стороны, рассматривал появление децемвирата как уступку патрициев плебеем, а с другой – задачей его деятельности полагал закрепление ведущей роли патрициев в государственном устройстве²⁹. Э. Ференци трактовал целевое назначение децемвирата как не просто кодификацию права, но как реформирование римской общественной системы³⁰, пребывая, тем самым, в русле теории о реорганизации исполнительной власти как коренной причине появления коллегии десяти мужей.

В современной отечественной историографии представлены оба главных подхода в объяснении причин создания данной магистратуры. В частности, не соглашается с идущей от Б. Нибура гипотезой, «что децемвират был создан не как законодательная комиссия, а как постоянное учреждение с целью реорганизации государственного механизма», Н.В. Чеканова, поддерживающая точку зрения о разработке законодательства как целевом назначении этой коллегии³¹.

Наоборот, в рамках теории, связывающей децемвират в первую очередь с потребностями развития государственных институтов, находится, в целом, О.В. Сидорович. Отмечая существование в анналистической традиции двух направлений в трактовке причин создания децемвирата (кодификация права и реформирование управления общиной), она подчеркивает его конституционное значение³², а анализируя деятельность двух коллегий десяти мужей, – делает вывод, что децемвират «расширил социальную базу существовавшего режима, превратив его из узко олигархического в аристократический за счет включения представителей обоих сословий»³³. Таким образом, О.В. Сидорович по-своему определяет вектор политических преобразований, заданных децемвиратом, понимая их не как переход от олигархического правления к демократическим основам, и не как закрепление олигархических порядков (две названные нами ранее версии в историографии). Заметим, что ее точка зрения диаметрально противоположна представлению об эволюции римской политической системы от аристократической к олигархической, идущему, как подчеркивает Габриелла Пома, от Полибия³⁴. Тем не менее изначально олигархическим видит формирование римского республиканского государства, например, М. Кроуфорд³⁵, давая, по словам Н.Н. Тру-

²⁷ Heurgon J. The Rise of the Rome to 264 B.C. L., 1969. P. 172.

²⁸ Ibid. P. 170.

²⁹ Ferenczy E. From the Patrician State to the Patricio-Plebeian State. Budapest. 1976. P. 20.

³⁰ Idem. Zur Verfassungsgeschichte der Frührepublik // Beiträge zur Alten Geschichte und deren Nachleben. Festschrift für Franz Altheim. Bd I. B., 1969. S. 149.

³¹ Чеканова Н.В. Эволюция системы триумвирата в Риме при переходе от Республики к Империи. Учебн. пособие. Ярославль, 1992. С. 23.

³² Сидорович О.В. Некоторые аспекты конституционного развития Рима ранней республики // Античность и современность. Докл. конф. М., 1991. С. 75–77.

³³ Сидорович О.В. Теория смешанной конституции и развитие государственных институтов в ранне-республиканском Риме // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1996. № 1. С. 52.

³⁴ Poма G. La valutazione del decemvirato nel De Republica di Cicerone // RSAnt. 1976–1977. V. 6/7. P. 146.

³⁵ Crawford M. The Roman Republic. New Jersey, 1978; 2 ed. L., 1992.

хиной, «расплывчатое определение правящей олигархии»³⁶. Очевидно, здесь мы сталкиваемся с терминологическим вопросом, требующим выяснения в первую очередь того, какое содержание исследователи вкладывают в понятия аристократическое и олигархическое устройство, как на уровне категориального аппарата, так и применительно к римской общине. Ибо при всей расхожести названных терминов ясно, что смысл их различными авторами определяется по-разному, а это обесценивает формулировки их выводов в плане создания общетеоретических построений.

На слабые места имеющихся теорий о создании децемвирата (как в качестве новой постоянной магистратуры, так и в качестве временной законодательной коллегии) обратил внимание в середине 90-х годов XX в. Т. Корнелл³⁷. При этом он уклонился от сколько-нибудь представительного историографического обзора с изложением конкретных взглядов исследователей, сосредоточившись на чисто логических нестыковках. Т. Корнелл выявляет следующие противоречия: если децемвират предусматривался в качестве постоянной замены консулов и плебейских трибунов, то составление законов явилось непредвиденной и временной функцией, с чем не согласуется название магистратуры; с другой стороны – если он был основан как временный орган для составления законов, то почему была приостановлена деятельность консулов и трибунов? Попытки разрешить это затруднение путем разделения первой и второй комиссий децемвиров по целевому назначению (первая сформирована для законодательства, а вторая – для управления государством в качестве постоянного органа) Т. Корнелл считает «неудовлетворительным компромиссом», потому что в этом случае следовало бы ожидать приостановки деятельности консулов и трибунов именно в начале второго децемвирата, тогда как она имела место при первом. Интерпретация объединения в рамках одной магистратуры плебеев и патрициев путем упразднения должностей консулов, трибунов и эдилов, по его мнению, имела бы смысл, если бы новый орган власти был открыт для всех граждан, включая плебеев, а их участия в коллегии децемвиров он не находит. Указывая на уязвимые, с его точки зрения, моменты гипотез о причинах создания и целевом назначении коллегии децемвиров, Т. Корнелл, вместе с тем, не предлагает своего позитивного решения этих вопросов, не выстраивает собственной концепции.

Однако концептуальное осмысление предпосылок, причин, поводов, целей и задач введения комиссии децемвиров как высшего органа исполнительной власти является, на наш взгляд, необходимым прежде всего для понимания характера этой магистратуры, а следовательно, для ее целостной исторической реконструкции. Поэтому мобилизуем и проанализируем свидетельства источников по вопросам, относящимся кведению децемвирата в римскую конституцию.

Тацит упоминает об избрании децемвиров как о действии плебеев, направленном на защиту свободы и укрепление согласия (Ann. III. 27)³⁸, но не конкретизирует, достигалось ли это самим фактом вручения им власти или же составлением свода законов.

Целевое предназначение децемвирата как законодательной коллегии отмечается в ее названии, содержащемся в capitoлийских фастах и уже приведенном нами: *decemviri consulari imperio legibus scribundis* (CIL. V. I. P. 16). Традиция добавлять, упоминая децемвират в целом или его отдельных членов, уточнение «для записи зако-

³⁶ Трухина Н.Н. Рец. на кн.: M. Crawford. The Roman Republic. 2 ed. London: Fontana Press, 1992 // ВДИ. 1994. № 4. С. 207–208.

³⁷ Cornell T.J. The Beginnings of Rome. Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000–264 BC). L. – N.Y., 1995. P. 272–275.

³⁸ Pulso Tarquinio adversum patrum factiones multa populus paravit tuendae libertatis et firmandae concordiae, creatique decemviri et accitis quae usquam egregia compositae duodecim tabulae, finis aequi iuris – «После изгнания Тарквиния простой народ, чтобы защитить свободу и укрепить согласие, принял многочисленные меры против партии знатных, и были избраны децемвиры, которые, взяв отовсюду все лучшее, составили Двенадцать таблиц – последний свод нелицеприятного права» (пер. А.С. Бобовича).

нов» сохранилась и в последующее время. Так, Светоний пишет об Аппии Клавдии: «*decemvir legibus scribendis*» (Тиб. II. 2)³⁹, а Авл Геллий обо всей коллегии – «*decemviri legibus scribundis*» (N. A. XVII. 21. 15)⁴⁰.

Тит Ливий определяет целью назначения коллегии децемвиров составление законов, прямо отмечая, что для этого она и была сформирована – *ab decemviris ad condenda iura creatis* – «децемвирами, учрежденными для создания права» (Liv. XXXIV. 6. 8)⁴¹. Делает это он ретроспективно, при описании событий конца III в. до н.э., но и контекст изложения в III книге его труда ситуации прихода к власти децемвиров в середине V в. до н.э. не противоречит данному выводу. Речь идет о настойчивом требовании плебейских трибунов приступить к составлению законов⁴². После этого замечания у Ливия непосредственно и следует фраза о решении упразднить в этом году все другие должности и избрать только децемвиров, чьи действия не подлежали бы обжалованию⁴³.

Дионисий Галикарнасский, сообщая, что восторжествовало мнение Аппия Клавдия, требовавшего избрания децемвиров, так формулирует, ради каких дел они были учреждены: «... чтобы эти десять мужей, выбрав из отеческих обычаев и греческих законов, привезенных послами, наилучшее и полезное для обычаев и греческих законов, привезенных послами, наилучшее и полезное для римского полиса, составили бы законы»⁴⁴. При этом, Дионисий видел задачу деятельности децемвиров на данном поприще в написании законов, обязательных для патрициев и плебеев.

Близкая трактовка причин избрания децемвиров, хотя из-за лаконичности манеры изложения не столь явным образом, присутствует и у Диодора Сицилийского – «в Риме были учреждены десять мужей, записывающих законы»⁴⁵. Никакого иного оттенка, кроме смысла «для записи законов», его описание ситуации учреждения децемвирата не содержит. Понимание Диодором именно начертания законов в качестве цели введения децемвирата подтверждают его слова об избрании второй коллегии децемвиров: «римляне опять избрали десять мужей – законодателей»⁴⁶.

Четкая и однозначная причинно-следственная связь между потребностью в записи законов и введением децемвирата прослеживается у Помпония в Дигестах: «После изгнания царей все законы, по закону трибунов, потеряли силу, и снова римский народ начал жить более по неопределенному праву и некоему обычаю, чем по обнародованному закону, и такое продолжалось почти двадцать лет. Затем, чтобы этого больше не происходило, постановлено было общим решением, чтобы были учреждены десять мужей...»⁴⁷.

³⁹ *Contra Claudius Regillianus, decemvir legibus scribendis, virginem ingenuam per vim libidinis gratia in servitute asserere conatus causa plebi fuit secedendi rursus a patribus* – «С другой стороны, Клавдий Региллиан, децемвир для сочинения законов, подстрекаемый страстью, покушался силою обратить в рабство свободную девушку, и это было причиной второго отделения патрициев от плебеев» (пер. М.Л. Гаспарова).

⁴⁰ *Romae autem per eas tempestates decemviro legibus scribundis creatos constitit tabulasque ab his primo decem conscriptas, mox alias duas additas* – «В Риме же в то время, как известно, учредили децемвиров для составления законов, и сперва они записали десять таблиц, а потом были добавлены еще две».

⁴¹ *Regia lex simul cum ipsa urbe nata aut, quod secundum est, ab decemviris ad condenda iura creatis in duodecim tabulis scripta* – «Разве то древний закон, что установлен еще царями и родился чуть ли не вместе с Городом? Или он из тех, что возникли немногим позже и были записаны на Двенадцати таблицах коллегией децемвиров, созданной для составления законов?» (пер. Г.С. Кнабе).

⁴² *Liv. III. 32. 6: Eo intentius instabant tribuni ut tandem scribendarum legum initium fieret.*

⁴³ *Ibid.: Placet creari decemviro sine provocatione, et ne quis eo anno alius magistratus esset.*

⁴⁴ *Dionys. X. 55. 5: τούτους δὲ τοὺς ἄνδρας ἐκ τε τῶν πατρίων ἐθῶν καὶ ἐκ τῶν Ἑλληνικῶν νόμων, οὓς ἐκόμισαν οἱ πρέσβεις, ἐκλεξαμένους τὰ κράτιστα καὶ τῇ Ῥωμαίων πόλει πρόσφορα νομοθετήσασθαι.*

⁴⁵ *Diod. XII. 24. 1: ... ἐν δὲ τῇ Ῥώμῃ δέκα ἄνδρες κατεστάθησαν νομογράφοι ...*

⁴⁶ *Diod. XII. 24. 1: ...Ῥωμαῖοι πάλιν δέκα ἄνδρας νομοθέτας εἴλοντο...*

⁴⁷ *D.I. 2. 2. 3–4: Exactis deinde regibus lege tribunicia omnes leges hae exoleverunt iterumque coepit populus Romanus incerto magis iure et consuetudine aliqua uti quam per latam legem, itque prope [q]v[inqu]agint[i] annis passus est. Postea ne diutius hoc fieret, placuit publica auctoritate decem constitui viros...*

Сохраняют подобное представление о целях учреждения комиссии децемвиров два поздних автора – Павел Орозий и Исидор Севильский. Орозий так характеризует мотивы введения должности: «...переданная децемвирам ради установления аттических законов консульская власть...»⁴⁸. Исидор практически повторяет слова Ливия, что римский народ учредил децемвиров для составления законов – *decemviri ad condenda iura creati* (Orig. VI. 1. 34).

Несколько иначе акценты в трактовке причин введения коллегии десяти в конституционное устройство Рима расставлены Цицероном. На первое место в принятом решении он выдвигает сам факт отказа от исполнения должностей консулами и плебейскими трибунами, далее подчеркивает величайшую власть децемвиров и уж затем, как частное ее проявление, указывает на задачу составления законов (De her. II. XXXVI. 61)⁴⁹. Как справедливо отметила О.В. Сидорович, «законодательные функции децемвирата у Цицерона явно вторичны по отношению к теме согласия сената с народом»⁵⁰. Именно Цицерон, в первую очередь, дает аргументы в пользу понимания цели создания децемвирата как реформирования системы магистратур. Хотя Г. Пома, подвергнув детальному рассмотрению оценку децемвирата Цицероном⁵¹, в одном из выводов отметила влияние на его восприятие этой коллегии социально-политических отношений послегракханского времени⁵², тем не менее, оставить без должного внимания мнение Цицерона нельзя по причине глубокого осмысления им римских государственно-правовых отношений и его бесспорной эрудиции. Учитывая к тому же, что, в соответствии с детальным текстологическим анализом Э. Тойблера, источники Цицерона в данном случае должны быть отнесены к древней ступени анналистической традиции (хотя они и младше, чем первоисточники Диодора)⁵³, следует признать весьма высокую ценность его свидетельства.

Из авторов эпохи Империи в той или иной мере перекликаются в своих оценках с Цицероном Луций Ампелий (III в. н.э.), Евтропий (IV в. н.э.), Аврелий Виктор (IV в. н.э.) и Иоанн Лид (VI в. н.э.). Так, Ампелий пишет: «Римский народ... учредил децемвиров для обнародования законов и устройства государства»⁵⁴, отмечая потребность в преобразовании публичной власти, но ставя эту цель появления децемвирата на второе место после письменной фиксации права. Евтропий в своем бревиарии констатирует прекращение власти консулов, учреждение децемвиров, наделенных высшей властью⁵⁵, и затем сообщает о том, как они правили в первом и втором году, не отмечая ни словом их законодательную деятельность. Аврелий Виктор подчеркивает, что обстоятельством, приведшим к появлению децемвирата, была невозможность для римского народа терпеть суровость магистратов, вызывавшую раздоры в обществе, почему и были избраны децемвиры для – тут же уточняет античный

⁴⁸ Oros. Adv. pag. II. 13. 1–2: ...potestas consulum decemviris tradita constituendarum legum Atticarum gratia...

⁴⁹ Sed aliquot ante annis, cum summa esset auctoritas in senatu populo patiente atque parente, inita ratio est, ut et consules et tribuni pl. magistratu se abdicarent, atque ut Xviri maxima potestate sine provocatione crearentur, qui et summum imperium habent et leges scriberent – «Но несколькими годами ранее, когда сенат обладал высшим авторитетом, а народ соглашался и повиновался ему, было принято решение о том, чтобы консулы и плебейские трибуны отказались от своих магистратур, и чтобы были избраны децемвиры, облеченные величайшей властью и избавленные от возможности провокации, и чтобы они обладали высшим империем и составили законы» (пер. В.О. Горенштейна).

⁵⁰ Сидорович. Некоторые аспекты... С. 76.

⁵¹ Poma. Op. cit. P. 129–146.

⁵² Ibid. P. 146.

⁵³ Täubler. Op. cit. S. 19, 27, 53.

⁵⁴ Ampel. XXIX. 2: populus Romanus... decemviros legum ferendarum et rei publicae constituendae causa paravit...

⁵⁵ Eutrop. I. 18: Anno trecentesimo et altero ab urbe condita imperium consulare cessavit et pro duobus consulibus decem facti sunt, qui summam potestatem habent, decemviri nominati – «В триста втором году от основания города империй консулов перестал действовать, и вместо двух консулов были учреждены десять человек, которые имели высшую власть, и их называли децемвирами».

автор – записи законов⁵⁶. Иоанн Лид, опять-таки, соединяет такую предпосылку перехода к децемвирату как необходимость записи законов и целевую задачу избрания децемвиров – для руководства государственными делами: «Так как законы были сильно запутаны из-за того, что не была произведена их запись, в государстве возникли раздоры властей и народа; по совместному решению сената и народа ушли все магистраты, и забота об управлении государством была передана только десяти мужам»⁵⁷.

Таким образом, в античной традиции наряду со свидетельствами в пользу чисто законодательного предназначения децемвирата присутствует версия причин его появления как сочетания потребностей в публикации законов и в переустройстве публичной власти, при этом во главу угла ставится то одна, то другая из названных целей. Тем самым древние авторы предоставляют аргументы сторонникам обоих главных направлений в историографии означенной проблемы. Точно так же характеристика цели законодательства децемвиров – и как уравнения в правах плебеев с патрициями, и как стремления иметь писаное право вместо обычного – находит опору в источниках.

В подавляющем большинстве приведенных сообщений античных писателей содержится указание на то, что потребность в записи законов появилась до создания коллегии десяти мужей и что эта коллегия была призвана эту потребность удовлетворить. О том, что необходимость кодификации правовых норм возникла как непредвиденное обстоятельство после прихода к власти децемвиров, не говорит ни один древний автор. Часть их обращают внимание на задачу совершенствования политической системы (как путем записи законов, так и непосредственно организацией новой многоместной должности) или просто управления гражданским коллективом. Причем сам факт наделения комиссии децемвиров (действовавшей в качестве единственной магистратуры) максимально широкими полномочиями, о чем также сообщает античная традиция, может служить аргументом в пользу концепции о стремлении римлян изменить важные элементы политической системы, приведшем к передаче управления общиной данной коллегии. Заметим, однако: прямо ни один из античных авторов не пишет о том, что предполагалось при введении децемвирата сохранить его в роли ординарной магистратуры, в виде постоянного органа исполнительной власти. Такой взгляд есть логическое построение на основе интерпретации источников, но не собственно их показания. Все же, прежде чем мы попытаемся сделать свои выводы о причинах возникновения децемвирата, продолжим поиск источниковой информации и ее анализ, ибо пролить дополнительный свет на изучаемый вопрос помогают обстоятельства, предшествовавшие выборам в комиссию децемвиров (они описаны в сочинениях периода поздней Республики, Империи, а также византийской эпохи). Таких важных обстоятельств особо выделено два – предложение плебейского трибуна Терентилия Гарсы и ознакомление с греческим законодательством. Рассмотрим по порядку сведения о каждом из них.

О факте рогации Гая Терентилия Гарсы в 462 г. до н.э. сообщают Тит Ливий (III. 9. 1–13; 10. 5–7; 14. 1–5) и Дионисий Галикарнасский (X. 1). Но о содержании законодательной инициативы плебейского трибуна нам повествует главным образом Ливий. Дионисий косвенно говорит о том, на что направлено было это предложение, отмечая отсутствие у римлян тогда письменно зафиксированного права равного участия всех граждан в законодательной деятельности и равенства всех перед законом⁵⁸. Поэтому о связи законопроекта Гарсы с принятием десятилетие спустя *lex de creandis decemviris legibus scribendis* можно судить на основе сочинений древних историков вполне

⁵⁶ [Aurel Vict]. De vir. ill. XXI. 1: Populus Romanus cum seditiosos magistratus ferre non posset, decemviros legibus scribendis creavit, qui eas ex libris Solonis translatas duodecim tabulis exposuerunt.

⁵⁷ Lyd. De mag. 1. 34: πολλῆς δὲ συγχύσεως τῶν νόμων, ὅλα μὴ γράμμασι τεθειμένων, τοῖς πράγμασι γινόμενης ἐκ τῆς τῶν ἀρχόντων καὶ τοῦ δήμου διαφοράς, δόγματι κοινῶ τῆς βουλῆς καὶ τοῦ δήμου πάντες μὲν οἱ ἄρχοντες ἐκινήθησαν, δέκα δὲ μόνους ἀνδράσι τὴν φροντίδα τῆς πολιτείας παρέδωσαν.

⁵⁸ Dionys. X. 1: οὕτω γὰρ τότε ἦν οὗτ' ἰσονομία παρὰ Ῥωμαίοις οὗτ' ἰσηγορία, οὐδ' ἐν γραφαῖς ἅπαντα τὰ δίκαια τεταγμένα...

определенно. Эта связь обычно признается в историографии⁵⁹, хотя понимается не вполне одинаково. Собственно, сам Ливий так определяет суть предложения Терентилия Гарсы, направленного на ограничение консульской власти: «принять закон об избрании квинквевиров для составления законов о консульском империи, согласно которым консулы пользовались бы лишь теми правами, какими наделит их народ, и не считали бы законом собственные прихоти и произвол» (пер. Г.Ч. Гусейнова)⁶⁰. То есть Ливий говорит о задаче потенциальной деятельности предложенной Терентилием комиссии пяти как составлении законов, но именно тех, которые бы касались консульских полномочий, следовательно, конечная цель – изменение механизма осуществления властных функций высших магистратов. Поэтому формулировка содержания законопроекта Терентилия Гарсы в том виде, как она дана Джованни Ротонди – «rogatio Terentilia de quinqueviris legibus scribundis»⁶¹ – неполна; комиссия не вообще для записи законов, а законов «de imperio consulari», уточнение существенно меняет смысл. Дионисий же несколько иначе характеризует требование плебеев о составлении законов, которое вылилось в законопроект Терентилия, – у него речь идет о законах вообще, а не только регламентирующих консульскую власть. К тому же, в соответствии с его текстом, предложено было избрать коллегию не из пяти (как у Ливия), а из десяти человек, и таким образом получается, что 11 лет спустя комиссия децемвиров по количественному составу и предназначению была избрана в точном соответствии с законодательным предложением Терентилия Гарсы, тогда как по тексту Ливия так заключить нельзя. Вполне вероятно, что Дионисий сделал, как это назвал Н. Радциг, «уступку будущему»⁶², т.е. видоизменил информацию о количестве членов комиссии и задачах ее избрания в законопроекте Терентилия Гарсы сообразно с тем, что реализовалось впоследствии в децемвирате.

Общий контекст и прямые указания в сообщении Ливия на обострение сословной борьбы и заинтересованность именно плебеев в принятии законопроекта Терентилия заставляют исследователей в принципе признать его проявлением этой борьбы, но конкретная направленность ее в данном случае – вопрос дискуссионный. Так, Б.В. Никольский отмечал, что предложения Терентилия Гарсы были «не борьбою за право, а скорее борьбою из-за прав»⁶³, имея в виду, очевидно, что это было столкновение не по поводу письменной фиксации имеющегося обычного права, а за принятие новых законов, уравнивающих в правах патрициев и плебеев. И.Л. Маяк также полагает, что в предложении Терентилия Гарсы отразилась борьба плебеев за равноправие, но вместе с тем в противоположность точке зрения Б.В. Никольского она подчеркивает, что одним из требований в этой борьбе было опубликование законов. Иначе говоря, И.Л. Маяк считает, – если использовать в формулировке сути ее вывода афористичный принцип Б.В. Никольского, – что борьба за право (собственно за запись уже действовавших обычных норм) есть проявление борьбы из-за прав (т.е. за уравнение плебеев в правах с патрициями). Как замечает И.Л. Маяк, плебеи при отсутствии писаных законов чувствовали себя ущемленными в сфере права и судопроизводства,

⁵⁹ Ihne. Op. cit. Bd 1. S. 175; Schwegler. Op. cit. Bd 3. S. 1; Lange L. Römische Alterthümer. 3. Aufl. Bd I, V., 1876. S. 624–625; Madvig. Op. cit. S. 499; Karlowa. Op. cit. S. 103; Виллемс П. Римское государственное право. Киев, 1890. С. 297; Немушил И.В. Очерк римских государственных древностей. Государственное устройство Рима. Вып. 1. Харьков, 1894. С. 167–168; Kühler. Decemviri // RE. Bd 4. Stuttgart, 1901. Sp. 2257–2258; Никольский Б.В. Система и текст XII таблиц. СПб., 1897. С. 69; Нич К.В. История Римской республики. М., 1908. С. 72–73; Heurgon. Op. cit. P. 171; Stewart R. Public Office in Early Rome. Ritual Procedure and Political Practice. The University of Michigan Press, 1998. P. 57–58; Маяк И.Л. Римляне ранней Республики. М., 1993. С. 28; Чеканова. Ук. соч. С. 22–23; Сидорович. Теория смешанной конституции... С. 50.

⁶⁰ Liv. III. 9. 5: ...legem se promulgaturum ut quinque viri creentur legibus de imperio consulari scribendis; quod populus in se ius dederit, eo consulem usurum, non ipsos libidinem ac licentiam suam pro lege habituros.

⁶¹ Rotondi G. Leges publicae populi Romani. Hildesheim, 1962. P. 191.

⁶² Радциг Н. Начало римской летописи // Уч. зап. Императорского Московского ун-та. Отдел историко-филолог. 1904. Вы. 32. С. 71.

⁶³ Никольский. Ук. соч. С. 69.

поскольку даже определение дней судебных заседаний (по фастам, в тайне составленным и хранившимся патрицианской по составу коллегией понтификов) находилось в руках патрициев⁶⁴. Карл Вильгельм Нич полагал, что в свидетельстве Ливия отразились две версии: древнейшая, в соответствии с которой главное требование, присутствовавшее в рогации Терентилия, «заключалось в разделении высшей должности между обоими сословиями», и более поздняя, в которой речь шла о записи права⁶⁵. Так или иначе, мы должны констатировать, что в сообщении нашего основного в данном случае источника о содержании не принятого законопроекта плебейского трибуна 462 г. до н.э.⁶⁶ заключена информация как о цели преобразования высшей исполнительной власти, так и о составлении необходимых для этого законов. Таким образом, в изложении предьстории создания децемвирата содержатся все те же объяснения причин и целей формирования многочисленной комиссии, которые античная традиция непосредственно приводит применительно к комиссии десяти мужей.

Другим событием, зафиксированным источниками в качестве предшествовавшего децемвирату и связанного с ним общей логикой развития социально-политической ситуации, была отправка посольства в Грецию для ознакомления с эллинским законодательством.

По информации Тита Ливия (III. 31.7), в 454 г. до н.э., когда снова обострились межсословные конфликты и плебейские трибуны предложили избрать законодателей из представителей обоих сословий, чтобы они принесли пользу той и другой стороне, сенаторы не отклонили идею создания комиссии, но выступили против смешанного ее состава, заявляя, что лишь патриции имеют право быть законодателями. Именно тогда, – т.е., по Ливию, до формирования законодательной комиссии, – «в Афины отправлялись послы Спурий Постумий Альб, Авл Манлий и Публий Сульпиций Камерин, которым было приказано переписать знаменитые законы Солона и познакомиться с учредениями, нравами и правом других греческих государств»⁶⁷. Рассказ Ливия фиксирует возвращение посольства в 452 г. до н.э. (III. 32. 3). И только после того как послы возвратились с аттическими законами, было решено избрать комиссию децемвиров⁶⁸.

Весьма похожая версия событий, связанных с посольством, имеется и у Дионисия Галикарнасского, при сохранении логики их развития (сначала выборы и отправка послов, затем их возвращение с законами, и уже после этого избрание децемвиров), однако с той разницей, что делегации направлялись не только в Афины, но и в греческие города Италии. Как свидетельствует Дионисий, Тит Ромилиий в своей речи советовал сенату направить послов, «одних в греческие города в Италии, других – в Афины, с тем, чтобы они, получив от греков самые лучшие и наиболее соответствующие нашему образу жизни законы», привезли их в Рим⁶⁹. «После написания законодательного предложения и утверждения его народом, были избраны послы, чтобы получить законы у греков – Спурий Постумий, Сервий Сульпиций, Авл Манлий; им были приготовлены за счет казны триремы и другое снаряжение, в доказательство достаточной гегемонии государства»⁷⁰. Далее Дионисий сообщает, что в консульство

⁶⁴ Маяк. Римляне ранней Республики... С. 28.

⁶⁵ Нич. Ук. соч. С. 72–73.

⁶⁶ Каким образом было осуществлено противодействие принятию этого закона, отмечено в статье: Токмаков В.Н. Tribunicia potestas в Ранней республике: военно-правовой аспект // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1998. № 1 (3). С. 68.

⁶⁷ Liv. III. 31.8: ...missi legati Athenas Sp. Postumius Albus A. Manlius P. Sulpicius Camerinus, iussique inclitas leges Solonis describere et aliarum Graeciae civitatum instituta mores iuraque noscere.

⁶⁸ Liv. III. 32. 6: Iam redierant legati cum Atticis legibus. eo intentius instabant tribuni ut tandem scribendarum legum initium fieret. placet creari decemviros sine provocatione...

⁶⁹ Dionys. X. 51. 5: πρέσβεις ἐλέσθαι τοὺς μὲν εἰς τὰς Ἑλληνίδας πόλεις τὰς ἐν Ἰταλίᾳ, τοὺς δ' εἰς Ἀθήνας· οἵτινες αἰτησάμενοι παρὰ τῶν Ἑλλήνων τοὺς κρατίστους νόμους καὶ μάλιστα τοῖς ἡμετέροις ἀρμόττοντας βλοῖς οἴσουσι δεῦρο.

⁷⁰ Ibid. X. 52. 4: γραφέντος δὲ τοῦ προβουλευήματος, καὶ μετὰ ταῦτ' ἐπικυρώσαντος τοῦ δήμου

Луция Менения и Публия Сестия вернулись послы из Афин и из италийских греческих полисов, привезя законы⁷¹. Затем в число децемвиров были выбраны три посла, которые доставили законы от греков⁷².

Цицерон не говорит непосредственно о посольстве в Афины, но в диалоге «О законах» он отмечает включение децемвирами в текст XII таблиц законов Солона (De leg. II. XXIII. 59; XXV. 64). Хотя в другом своем сочинении, трактате «Об ораторе», написанном примерно тремя годами ранее, Цицерон, сравнивая римские законы с греческим законодательством, в том числе и с законами Солона (De or. I. 44. 197), подчеркивает превосходство римского гражданского права, это не свидетельствует, на наш взгляд, об отрицании им в данном случае использования греческих законов, как это видится Петеру Зиверту⁷³. Ибо речь здесь идет только о «неупорядоченности» права других народов, которой противопоставляется мудрость римлян, чему, в принципе, не противоречит привлечение ими лучшего из законодательства иноплеменников. П. Зиверт полагает, что Цицерон изменил свой взгляд на греческие заимствования в римском законодательстве за время, прошедшее между написанием этих двух трактатов, под воздействием «легенды о посольстве в Грецию». Нам представляется, что изменения позиции Цицерона не прослеживаются. Мы думаем, что Цицерон всегда придерживался мнения о заимствовании греческих законов при составлении кодекса децемвирами, но информации именно о посольстве в Грецию, перед их избранием или после такового, в его сочинениях нет.

Тацит тоже сообщает, хотя и косвенно, о греческих заимствованиях в законодательстве XII таблиц, указывая, что децемвиры при его составлении взяли отовсюду все лучшее (Ann. III. 27), предварительно причислив к этому лучшему законы Миноса для критян, Ликурга для спартанцев и Солона для афинян (III. 26). При этом, так же как и Цицерон, Тацит не констатировал сам факт посольства в Грецию. Нет упоминаний о посольстве и у известного юриста Гая, – возможно, в силу характера текста как правового комментария к конкретным статьям XII таблиц, но, может быть, и вследствие того, что нам известны лишь незначительные его фрагменты. Однако он абсолютно определенно отмечает заимствования в кодексе децемвиров из Солоновых законов⁷⁴.

В сохранившемся в тех же Дигестах фрагменте сочинения Помпония говорится о том, что именно через децемвиров были испрошены законы в греческих полисах⁷⁵, что может свидетельствовать об отправке посольства после избрания комиссии десяти мужей, но с некоторой вероятностью и просто об участии в ней троих послов, ранее совершивших поездку в греческие государства. Не что иное, как запись децемвирами греческих норм усматривает в их деятельности Луций Анней Флор: «десять избранных первых лиц по приказу народа начертали привезенные из Греции законы и все правосудие упорядочено было на двенадцати досках...»⁷⁶. Связывают содержание

πρέσβεις ἀπεδείχθησαν οἱ τοὺς παρὰ τῶν Ἑλλήνων νόμους ληψόμενοι, Σπόριος Ποστόμιος καὶ Σερούσιος Σολπίκιος καὶ Αὔλος Μάλλιος· οἷς τριήρεις τε παρεσκευάσθησαν ἐκ τοῦ δημοσίου καὶ ἄλλος κόσμος εἰς ἐπίδειξιν τῆς ἡγεμονίας ἀποχρῶν.

⁷¹ Ibid. X. 54. 3: ἐν δὲ τῷ αὐτῷ καιρῷ παρεγένοντο ἀπὸ τ' Ἀθηνῶν καὶ τῶν ἐν Ἰταλοῖς Ἑλληνίδων πόλεων οἱ πρέσβεις φέροντες τοὺς νόμους.

⁷² Ibid. X. 56. 2: τρεῖς δὲ οἱ κομίσαντες παρὰ τῶν Ἑλλήνων τοὺς νόμους, Σπόριος Ποστόμιος καὶ Σερούσιος Σολπίκιος καὶ Αὔλος Μάλλιος...

⁷³ Siewert P. Die angebliche Übernahme solonischer Gesetze in die Zwölftafeln. Ursprung und Ausgestaltung einer Legende // Chiron. 1978. Bd. 8. S. 338.

⁷⁴ Gai. 4 ad 1. XII tab. = D. 10. 1. 13: ad exemplum quodammodo eius legis scriptum est, quam Athenis Solonem dicitur tulisse (комментарий к XII таб. 7. 2); Gai. 4 ad 1. XII tab. = D. 47. 22.4: haec lex videtur ex lege Solonis translata esse (комментарий к XII таб. 8. 27).

⁷⁵ Pomp. l.s. enchir. = D. I. 2. 2. 4: placuit publica auctoritate decem constitui viros, per quos peterentur leges a Graecis civitatibus et civitas fundaretur legibus.

⁷⁶ Flor. Epit. I. 17 24: Adlatas a Graecia leges decem principes lecti iubente populo conscripserant, ordinataque erat in duodecim tabulis tota iustitia...

XII таблиц, составленных децемвирами, с греческими законами Авл Геллий⁷⁷ и Аврелий Виктор⁷⁸.

Практически вся последующая поздняя античная и постантичная историография совершенно определенно придерживалась версии об использовании децемвирами при кодификации права греческих законов. Отчасти выпадает из общего ряда сообщение Августина (начало V в.), в котором говорится о заимствовании римлянами от афинян законов Солона уже через несколько лет после основания Рима⁷⁹. Поскольку ранее начала VI в. до н.э. эти законы никем заимствоваться не могли, ибо еще не существовали, то о нескольких годах после традиционной даты основания Рима говорить не приходится. Это означает, что Августин имел весьма смутные представления о времени ознакомления римлян с законами Солона, произвольно соотнося это событие с указанным хронологическим отрезком. Следовательно, понаслышке зная об использовании законов Солона в римском законодательстве, он просто мог исказить эту информацию, связав ее не с децемвирами, а с более ранним временем. Остальные же авторы находятся в русле представления об использовании греческих законов римлянами именно при составлении XII таблиц, в рамках которого все же прослеживаются некоторые вариации. Так, в «Хронике» Евсевия (рубеж III–IV вв.), сохранившейся в латинском переводе Иеронима, отмечается, что «римляне через послов заимствовали от афинян законы, из которых составлены XII таблиц»⁸⁰. Римский грамматик, комментатор Вергилия, Сервий (около 400 г.) также сообщает об использовании при составлении децемвирами XII таблиц взятых у афинян законов⁸¹. Павел Орозий (рубеж IV–V вв.) повторяет идею заимствования, указывая и на посольство в Афины, и на установление децемвирами аттических законов: «В год, предшествовавший трехсотому от основания Города, пока поджидали послов, направленных к афинянам, чтобы доставить законы Солона, голод и чума подорвали военное могущество Рима. В трехсотый же год, а именно в девяносто пятую олимпиаду, переданная децемвирам ради установления аттических законов консульская власть, причинила государству великое несчастье»⁸². В отличие от Орозия Кассиодор (рубеж V–VI вв.) относит отправку послов в Афины непосредственно к трехсотому году от основания Рима, а не к предыдущему (Cassiod. 596). Но если Кассиодор связывает посольство с временем правления консулов Спурия Тарпея и Авла Атерния (точно так же, как и Ливий – III. 31.5), то Иоанн Лид (VI в. н.э.) – с нахождением у власти децемвиров: «...забота об управлении государством была передана только десяти мужам. Они же, гласит история, посылают в Афины Спурия Постумия, Авла Марция и Публия Сульпиция»⁸³. Далее же Иоанн Лид, некоторым образом противореча сам себе, пишет об избрании децемвиров в Риме во время нахождения послов в Афинах: «В то время, когда они

⁷⁷ Gell. N.A. XI. 18. pr.: Qua poena Draco Atheniensis in legibus, quas populo Atheniensi scripsit, fures adfecerit; et qua postea Solon et qua; item decemviri nostri, qui duodecim tabulas scripserunt...

⁷⁸ De vir. ill. XXI. 1–2: decemviro legibus scribendis creavit, qui eas ex libris Solonis translatas duodecim tabulis exposuerunt.

⁷⁹ Aug. De civ. Dei. II. 16: Si autem a diis suis Romani vivendi leges accipere potuissent, non aliquot annos post Roman conditam ab Atheniensibus mutuarentur leges Solonis, quas tamen non ut acceperunt (tenuerunt)...

⁸⁰ Euseb. Chron. 194F: Romani per legatos ab Atheniensibus iura petierunt, ex quibus XII Tabulae conscriptae. Фрагмент «Хроники» пронумерован нами в соответствии с публикацией текста источника в издании: Eusebius Werke. Bd. 7. Die Chronik des Hieronymus. B., 1956. S. 112. В историографии на него ссылаются также следующим образом: Euseb. Chron. II. 104 или Hieron. II. 105.

⁸¹ Serv. Aen. VII. 695: Iustos autem dicit Faliscos, quia populus Romanus missis Xviris ab ipsis iura fetialia collegit et nonnulla supplementa XII tabularum accepit, quas habuerat ab Atheniensibus.

⁸² Oros. Adv pag. II. 13. 1–2: Anno, qui proximus trecentesimo ab Urbe condita fuit, dum legati ad Athenienses propter Solonis leges deferendas missi exspectantur, arma Romana famas pestilentiaque compescuit. Ipso autem trecentesimo anno, hoc est, olympiade nonagesimaquinta, potestas consulum decemviris tradita constituendarum legum Atticarum gratia magnam perniciem Reip. invexit.

⁸³ Lyd. De mag. I. 34:... δέκα δε μόνοις ἀνδράσι τὴν φροντίδα τῆς πολιτείας παρέδοσαν. αὐτοὶ δὲ στέλλουσιν (ἢ ἱστορία φησὶν) εἰς Ἀθήνας Σπούριον Ποστούμιον, Αὔλον Μάρκιον καὶ Πούπλιον Σουλπίκιον.

там пребывали в течение трех лет, пока не собрали остальных афинских законов на десяти таблицах, народ избрал десять мужей, которым были поручены государственные дела»⁸⁴. Из описания событий Исидором (Orig. V. 1.3) следует, что децемвиры перевели греческие законы из книг Солона и включили их в XII таблиц. Наконец, византийский историк Иоанн Зонара сохраняет основную линию изложенных представлений: «И трех мужей направили в Грецию за законами и тамошними обычаями»⁸⁵.

Особняком в античной традиции стоит версия об участии в составлении римских законов некоего грека Гермодора. Страбон (рубеж нашей эры), называя Гермодора жителем Эфеса, замечает: «этот человек, кажется, составил римлянам некоторые законы»⁸⁶. При этом, правда, он ссылается на характеристику Гермодора, данную Гераклитом Темным. Если учесть, что Гераклит умер в 483 г. до н.э., то он не мог знать об отношении Гермодора к комиссии децемвиров, т.е. либо информация об этом была Страбоном почерпнута из другого источника, либо у Гераклита речь шла об ином, а не о деятельности Гермодора как члена комиссии десяти. Плиний Старший, автор чуть более поздний, чем Страбон, упоминая установленную на комиции статую Гермодора Эфесского, считает его толкователем законов, написанных децемвирами⁸⁷. Помпоний же во II в. н.э. приписывал Гермодору руководство комиссией децемвиров при составлении законов⁸⁸. Фридрих Мюнцер замечал, что рассказ об участии Гермодора в составлении децемвирального законодательства исходит не от анналистов, а от ученых исследователей древности, опирающихся на докеϛ Страбона и *quidam rettulerunt Помпония*⁸⁹. Тем не менее некоторые зацепки в источниках для точки зрения об отношении Гермодора к составлению законов XII таблиц имеются.

Проблема греческого влияния на первый свод римских законов и, соответственно, вопросы о посольстве в Грецию, а также участия Гермодора в составлении законодательства давно занимают исследователей – как историков, так и юристов. Разброс мнений при этом находится практически в максимально возможном диапазоне. Б. Нибур не находил следов использования законов Солона в тексте статей XII таблиц, посвященных частному праву, но допускал влияние афинских установлений в сфере права государственного, не отрицая при этом участия Гермодора в кодификации римских норм⁹⁰. Усматривали греческое влияние В. Беккер, Г. Пухта, В. Вегнер и А. Шwegler⁹¹, но по-разному трактовали его пути. В. Беккер наряду с утверждением о посольстве в Афины приводил информацию о консультативной помощи Гермодора, Г. Пухта считал, что хотя сходство в правовых нормах греков и римлян имело, греческие писатели преувеличивали влияние законов собственного народа на римские, и во всяком случае римское «частное право осталось совершенно свободным от такой примеси»⁹². По мнению Г. Пухты, общность правовых установлений двух народов может объясняться именно этническим родством, а не заимствованием путем посольской экспедиции, ибо никому, например, не придет в голову утверждать, что сходство в языке было приобретено через послов. (Здесь Г. Пухта явно игнорировал принци-

⁸⁴ Ibid.: τῶν δὲ ἐπὶ τριετῆ χρόνον, ἐκεῖ βραδυνόντων, ἕως καὶ τοὺς λειπομένους Ἀθηναίων νόμος ταῖς δέκα δέλτοις αναλάβωσιν, δέκα προεβάλετο ὁ δῆμος ἀνδράς ἀνεξομένους τῶν πραγμάτων...

⁸⁵ Zon. VII. 18: καὶ τρεῖς ἀνδρας εἰς τὴν Ἑλλάδα διὰ τοὺς νόμους καὶ τὰ παρ' ἐκεῖνοις ἔθη πετόμφασι.

⁸⁶ Strabo. XIV. 25: δοκεῖ δ' οὗτος ὁ ἀνὴρ νόμους τινὰς Ῥωμαίοις συγγράφαι.

⁸⁷ Plin. N.H. XXXIV. 5.21: statua... fuit et Hermodori Ephesii in comitio, legum, quas decemviri scriberant, interpretis, publice dicata.

⁸⁸ Pomp. I.s. enchir. = Dig. I. 2.2.4: leges duodecim tabularum, quarum ferendarum auctorem fuisse decemviris Hermodorum quendam Ephesium exulantem in Italia quidam rettulerunt.

⁸⁹ Münzer. Hermodores // RE. Bd 8. Stuttgart, 1913. Sp. 859–861.

⁹⁰ Niebuhr. Op. cit. S. 523–524.

⁹¹ Becker. Op. cit. S. 133; Пухта. Ук. соч. С. 73–74; Вегнер В. Рим. Начало, распространение и падение всемирной монархии римлян. СПб. – М., 1873. С. 190; Schwegler. Op. cit. S. 19.

⁹² Пухта. Ук. соч. С. 74.

пиальное различие между близостью языков одной семьи и сходством правовых установлений разных государств.) В. Вегнер полагал, что посольство, избранное сенатом из своей среды, посетило сначала греческие колонии Южной Италии, а затем уже отправилось собственно в Грецию. А. Швеглер, хотя и находил отличия римского законодательства от солоновского, признавал историчность факта отправки посольства в Грецию. В Гермодоре он, так же как затем Л. Ланге и Э. Херцог⁹³, видел переводчика греческих законов. Людвиг Ланге считал достоверными сведения о посольстве в Афины, полагая, что целью его прежде всего было изучение формальной стороны кодификации, а не заимствование содержания эллинских законов⁹⁴. Век спустя подобную трактовку давал Андре Магделен, утверждавший, что сама идея кодификации была греческой, формулировки законов следовали греческим образцам, но содержание XII таблиц было римским⁹⁵. Эрнст Херцог приводил сообщения источников о посольстве в Афины и италийские греческие полисы в качестве подготовительной работы для составления законов XII таблиц, однако он не находил греческого влияния в существенных их частях, оставляя открытым вопрос об этом влиянии на второстепенные детали и на сам процесс кодификации⁹⁶. У Т. Моммзена достоверность информации источников о посольстве не вызвала сомнения⁹⁷.

На позиции абсолютного отрицания связи посольства в Грецию с составлением децемвирального законодательства находился, проводя гиперкритическую линию в восприятии сведений источников, Б.В. Никольский⁹⁸. По его мнению, экспедиция относилась к более позднему времени и была «пришита к децемвирату впоследствии какими-нибудь догадливыми анналистами»⁹⁹. Б.В. Никольский связывал посольство в Грецию с «сооружением медного памятника XII таблиц», относя возведение этого памятника к концу IV в. до н.э., видя к тому же к Гермодоре мастера, создавшего его по инициативе плеев¹⁰⁰. Против греческого влияния на законы XII таблиц высказывался также Эрнст Корнеманн¹⁰¹.

По-своему аргументировал несогласие с признанием достоверности информации источников о посольстве в Грецию Арнальдо Момильяно, высказывавший мнение, что если бы римские посланники действительно посетили Афины в 454 г. до н.э., Перикл дал бы им более современное законодательство, чем составленное Солоном¹⁰². Такой взгляд тоже нашел поддержку исследователей¹⁰³.

Эрих Байер, также рассматривая историю римского посольства в Грецию в качестве позднейшего изобретения традиции (времен Цицерона), полагал невероятным появление в Афинах чужаков-варваров, испытывавших языковые трудности в общении, со странной просьбой об «известных» законах Солона¹⁰⁴.

Учитывая, что в дошедших до нас статьях законов XII таблиц действительно можно усмотреть греческое влияние, в том числе и использование греческого слова для обозначения наказания (ροεπα / πολυτή), те авторы, кто находит это влияние, но не признает посольства в Афины, встают на одну из двух точек зрения: либо утвер-

⁹³ Lange. Op. cit. S. 627; Herzog E. Geschichte und System der Römischen Staatsverfassung. Bd I. Lpz. 1884. S. 186–187.

⁹⁴ Lange. Op. cit. S. 626.

⁹⁵ Magdelain A. Les XII Tables et le concept de ius // Zum römischen und neuzeitlichen Gesetzbegriff. Göttingen, 1987. P. 14–33.

⁹⁶ Herzog. Op. cit. S. 186–187.

⁹⁷ Mommsen. Römische Geschichte... S. 280.

⁹⁸ Никольский. Ук. соч. С. 50, 65, 72.

⁹⁹ Там же, С. 50.

¹⁰⁰ Там же, С. 59, 80.

¹⁰¹ Kornemann E. Römische Geschichte. 5. Aufl. Stuttgart, 1961. S. 87.

¹⁰² Momigliano A. Osservazioni sulla distinzione fra patrizi e plebei // Entretiens sur l'antiquité classique. V. 13. Genève, 1967. P. 357.

¹⁰³ Grifo G. La legge delle XII tavole. Osservazioni e problemi // ANRW. I. 2. B.–N.Y., 1972. P. 124–127.

¹⁰⁴ Bayer E. Rom und Westgriechen bis 280 v. Chr. // ANRW. I. 1. B. – N.Y., 1972. P. 323–325.

ждают, что посольство было организовано в греческие полисы Южной Италии¹⁰⁵, либо считают это влияние результатом участия в составлении римского свода законов Гермодора Эфесского, философа в изгнании¹⁰⁶.

В антиковедении второй половины XX в. прослеживали связь содержания законов XII таблиц с греческими Рудольф Дюльль¹⁰⁷, Йозеф Дельц (он, находя греческое влияние, полагал трудным однозначное решение вопроса о посольстве в Афины и иные греческие города)¹⁰⁸, Франц Виаккер¹⁰⁹ и многие другие авторы. Противоположную точку зрения излагали Эберхард Рушенбуш¹¹⁰, Г. Чулеи¹¹¹, П. Зиверт¹¹² (не только считающий легендой посольство в Грецию, но и скептически относящийся к известиям о Гермодоре), Х. Беллен (повторяющий тезис о легендарном характере сведений о посольстве и Гермодоре)¹¹³; ряд этот также можно продолжить. Две отмеченные линии решения названного вопроса представлены и в современной отечественной историографии. Если И.Л. Маяк¹¹⁴ и Л.Л. Кофанов¹¹⁵ придерживаются мнения об историчности посольства в Грецию и влияния эллинского законодательства на первый римских свод норм, то на взгляд Н.В. Чекановой, «посольство в Афины вряд ли можно считать вероятным»¹¹⁶.

Мы со своей стороны обратим внимание на устойчивость представления в античной традиции о заимствовании греческого законодательства при составлении децемвирального. Как видно из аккумулированного нами источникового материала, столь длительное время самые разные древние авторы, опиравшиеся на самые различные источники, сохраняли это представление. То, что не все из них писали прямо о посольстве, не является аргументом против историчности данного факта, ибо упоминание о заимствовании законодательства косвенно означает признание если не посольства в Афины, то контактов по этому поводу с италийскими греками. Точка зрения Э. Байера, базирующаяся на утверждении об отсутствии связей в середине V в. до н.э. между греческими полисами и римской общиной, исходит из явно преувеличенного, как нам кажется, представления о разделявшей их социо-культурной пропасти. Разумеется, афинское и римское государства находились на разных ступенях развития; процесс политогенеза в Риме еще только завершался, а Афины уже переживали период расцвета демократического устройства, но это отнюдь не свидетельствует о противоестественности и ненужности контактов между ними. Во всяком случае, в Риме интенсивно формировалась гражданская община, являющая собой плоть от плоти полисной античной цивилизации, кровное родство которой с греческим миром должно было возникнуть уже на стадии рождения и первых шагов становления. Замечание А. Момильяно о том, что, если бы посольство было осуществлено, в Афинах нашлись бы более современные законы, чем составленные Солоном, тоже не

¹⁰⁵ Радциг. Ук. соч. С. 77–78; Ковалев С.И. История Рима. Курс лекций. Л., 1986. С. 83; Cornell. Op. cit. P. 275; Flach D. Die Gesetze der frühen römischen Republik. Text und Kommentar. Darmstadt, 1994. S. 108.

¹⁰⁶ Heurgon. Op. cit. P. 170.

¹⁰⁷ Düll R. Das Zwölfstafelgesetz. Texte, Übersetzungen und Erläuterungen. München, 1953. S. 6.

¹⁰⁸ Delz J. Der griechische Einfluß auf die Zwölfstafelgesetzgebung // Museum Helveticum. 1966. V. 23. Fasc. 2. S. 70–83.

¹⁰⁹ Wieacker F. Solon und die XII Tafeln // Studi in onore di E. Volterra. Milano, 1971. V. 3. P. 757–784.

¹¹⁰ Ruschenbusch E. Die Zwölfstafeln und die römische Gesandtschaft nach Athen // Historia. 1963. Bd. 12. Ht. 2. S. 250–253.

¹¹¹ Ciulei G. Gab es einen Einfluß des griechischen Rechts in der Zwölfstafeln? // Gesellschaft und Recht im griechisch-römischen Altertum. Teil II. B., 1969. S. 21–46.

¹¹² Siewert. Op. cit. S. 331–344.

¹¹³ Belen H. Grundzüge der Römischen Geschichte. Von der Königszeit bis zum Übergang der Republik in den Prinzipat. Darmstadt, 1994. S. 25.

¹¹⁴ Маяк И.Л. Ранняя республика в Риме (V–IV вв. до н.э.) // История Европы. Т. 1. М., 1983. С. 356.

¹¹⁵ Кофанов Л.Л. Обязательственное право в архаическом Риме. М., 1994. С. 145–146; он же. Законы XII таблиц и проблема *sodales* // Античность Европы. Пермь, 1992. С. 16–17; он же. К вопросу о палингенезе... С. 192.

¹¹⁶ Чеканова. Ук. соч. С. 24.

может быть воспринято как существенный контраргумент, так как законодательство Солона было классическим образцом приведенного в систему права и являлось фундаментом греческих норм.

Прямого отрицания греческого влияния на римское законодательство мы нигде в источниках не находим, никто из античных авторов об этом не писал. Вывод в историографии об отсутствии этого влияния, следовательно, есть не результат восприятия информации античной традиции, а конструкция исследователей, сделанная на иной основе. Помимо того, что все параллельные упоминания в античной и постантичной историографии греческого и римского законодательства констатируют эту связь и ни одно ее не отрицает, практически все относят ее ко времени децемвиров (за исключением сообщения Августина, явно анахронистичного). При этом те античные и византийские писатели, которые прямо говорят о посольстве в греческие города, в подавляющем большинстве хронологически привязывают это посольство к годам, предшествовавшим децемвирату. Лишь два сообщения можно трактовать в смысле отправки посольства после создания комиссии десяти. Во-первых, – это упоминание Помпония о том, что греческие законы были испрошены через децемвиров. Но если учесть не опровергаемые ни одним древним автором сообщения Ливия, Дионисия и других о включении в нее по возвращении из греческих государств троих послов, более вероятно, что речь идет об испрашивании греческих законов через будущих децемвиров. Во-вторых, – это указания Иоанна Лида на то, что именно децемвиры направили послов за греческими законами. Однако, поскольку у этого автора тут же имеется свидетельство об избрании децемвиров во время трехлетнего пребывания посольства в греческих городах, первое из этих двух сообщений обесценивается либо как небрежность формулировки, либо как неаккуратное обращение с источниками, когда одна фраза первоисточника Иоанна Лида об избрании децемвиров оказалась в его тексте раньше другой фразы о посольстве, а в следующем предложении логика первоисточника была соблюдена (или же была неряшливо проведена компоновка разных источников). Так или иначе, ту информацию античных писателей, которую можно истолковать как отправку посольства после прихода децемвиров к власти, трудно предпочесть сведениям о противоположной последовательности событий, поскольку она или двусмысленна, или внутренне противоречива.

Таким образом, анализ источников приводит нас к выводу о том, что посольская экспедиция за греческими законами предшествовала избранию коллегии десяти, а следовательно, задача составления законов встала перед децемвирами не спонтанно. Это в свою очередь означает, что такая цель создания коллегии – составление законов – была предварительно определена. Подтверждением тому служит устойчивость передачи в античной традиции факта включения послов в комиссию децемвиров. То, что в перечне послов в сочинении Иоанна Лида фигурирует Марций вместо Манлия, вполне допустимо объяснить искажением при греческой передаче его имени автором, имевшим латинский первоисточник и небрежно с ним обращавшимся.

Вывод на основе анализа комплекса сохранившихся нарративных источников о существовании такой причины введения децемвирата (и заранее определенной целевой установки), как оформление законодательства, отнюдь не заставляет нас отказаться от признания того, что при создании комиссии десяти преследовалась цель реорганизации исполнительной власти римской общины. Ибо непредвзятос рассматривание сообщений Цицерона, Луция Амелия, Аврелия Виктора, Евтропия, Иоанна Лида дает основание говорить о явно отмеченном ими стремлении римлян преобразовать государственное управление самим фактом создания новой магистратуры, призванной видоизменить его не только составлением законодательства, но и непосредственным руководством общественной жизнью. Точно так же сведения Тита Ливия о содержании рогации Терентилия Гарсы по созданию комиссии квинквевиров как прообраза будущего децемвирата позволяет нам говорить о назревшей потребности в реформировании звеньев исполнительной власти.

Итак, на вопрос о том, было ли целью введения децемвирата составление законо-

дательства, мы отвечаем: безусловно, да. На вопрос о том, являлось ли целью создания децемвирата реформирование системы магистратур, мы тоже отвечаем: безусловно, да. И тот и другой положительный ответ нас заставляют дать имеющиеся источники. Но как быть тогда с совмещением этих причин и целей, поскольку признание хотя бы одной из них уже содержит, по наблюдениям Т. Корнелла, явные противоречия: если децемвират учреждался в качестве постоянной замены консулов и плебейских трибунов, то составление законов надо рассматривать непредвиденной функцией (с чем не согласуется, как мы видели, информация источников); а если он был основан как временный орган, для составления законов, то не ясно, для чего должна была быть приостановлена деятельность консулов и трибунов. Наш ответ, снимающий эти нестыковки, таков: децемвират вводился не как ординарная постоянная магистратура, а как магистратура чрезвычайная. Этот ответ позволяет не отвергать никаких сведений источников о причинах его появления и одновременно не оказаться в замкнутом круге сформулированных Т. Корнеллом противоречий. Децемвират есть замена консулов, но замена в случае необходимости, как всякая замена органов постоянной власти на органы власти экстраординарной. Действительно, если признание постоянного характера магистратуры децемвиров не позволяет совместить это утверждение с тезисом о непосредственном ее целевом предназначении как систематизации и записи права, то отнесение ее к системе чрезвычайной власти совершенно определено дает такую возможность. Как всякий переход к экстраординарной власти, он требовал приостановки полномочий ординарных магистратов (независимо от того, какая непосредственная задача стояла перед чрезвычайными должностными лицами), поэтому нет никакого противоречия и в том, что при децемвирате они не функционировали.

Подтверждает вывод о чрезвычайном характере магистратуры децемвиров отнесение ее Авлом Геллием к должностям экстраординарной власти – *deinde extraordinario iure tribunos quoque militares, qui pro consulibus fuissent, item decemviros, quibus imperium consulare tum esset*¹¹⁷.

Появление новой чрезвычайной магистратуры есть, несомненно, реформирование системы римской исполнительной власти в целом, но это не реорганизация институтов ординарной власти. Соглашаясь с Б. Нибуром в том, что речь должна идти о существенном преобразовании государственного механизма, мы не разделяем его точку зрения об ординарном характере новой магистратуры десяти мужей. Наиболее плодотворной мы, тем самым, считаем идею Т. Моммзена и О. Карловы об экстраординарности магистратуры децемвиров (не поддерживая некоторых других положений гипотезы Т. Моммзена о причинах ее введения, например, якобы имевшегося стремления полностью ликвидировать плебейский трибунат), ибо она позволяет создать логически непротиворечивую историческую модель децемвирата, опирающуюся на всю совокупность сообщений античной традиции, без тенденциозной избирательности в использовании источниковой базы и при непредвзятом осмыслении содержащихся в ней сведений.

Итак, на наш взгляд, в середине V в. до н.э. в Риме в процессе сословной борьбы по инициативе плебейских лидеров целенаправленно была впервые создана чрезвычайная коллегиальная, годичная по сроку полномочий магистратура, сама факт введения которой в конституционное устройство означал его изменение. При этом перед ней ставилась и непосредственная задача письменной фиксации законов, которая была решена в ее практической деятельности при одновременном осуществлении общего руководства политической жизнью общины.

Децемвират появился в ответ на общественные потребности. Они состояли в реформировании исполнительной власти и в назревшей необходимости записи законов. С созданием децемвирата плебеи впервые получили доступ к магистратуре с империем

¹¹⁷ Gell. N.A. XIV. 7.5 : затем и военные трибуны с экстраординарной властью, которые были вместо консулов, равным образом и децемвиры, у которых был тогда консульский империй.

и в первый раз стали носителями общественных ауспиций. Децемвиры были первой коллегией римских магистратов, наделенных равной властью, и именно при них *potestas* впервые получила свое подлинное оформление, выразившись прежде всего в *intercessio*. Функционирование децемвирата оказало воздействие на преобразование ординарной власти, при котором были учтены положительные моменты, апробированные впервые в децемвирате (подлинная коллегиальность, коллегиальная *интерцессия*) и равным образом отвергнуты себя не оправдавшие (изъятие из-под действия права провокации, освобождение от противодействия плебейских трибунов). Не меньшим было воздействие накопленного опыта на развитие системы чрезвычайной власти. Эксперимент применения коллегиальной годичной чрезвычайной магистратуры был затем на новом уровне повторен в виде магистратуры военных трибунов с консульской властью. Таким образом, практика децемвирата оказала существенное влияние на процесс формирования римской исполнительной власти в целом, в совокупности ее ординарных и экстраординарных органов. Относя магистратуру децемвиров к институтам чрезвычайной власти, мы тем самым отказываемся от признания ее (как и других экстраординарных должностей) непосредственным звеном в цепи реорганизаций высшей ординарной магистратуры, но отводим ей важную роль в процессе оформления всей республиканской государственно-правовой системы Рима.

REASONS FOR CREATING THE DECEMVIRATE AND THE AIMS OF THE LATTER

V.V. Demytyeva

The question about the reasons which brought to life the office of *decemviri* in mid-5th c. BC is a disputable one. Detailed analysis of relevant historiography shows that the two main trends in scholar's thought are connected (1) with the necessity to codify legal norms as the main reason for appointing *decemviri* and (2) with the wish to reorganize executive power system by creating a new magistrate. Those who support the latter trend tend to regard *decemvirate* as a new-made permanent (ordinary) executive body (this hypothesis was put forward by B. Niebur). The opinion that the *decemvirate* was of extraordinary character was uttered by Th. Mommsen and O. Karlova.

This article analyses the data of relevant sources, both their direct accounts of the aims of the *decemvirate* and the information about two circumstances of its introduction, i.e. the suggestion of Terentilius Harsa and the acquaintance with Greek legislation. The analysis sets new problems before representatives of both historiographical trends.

The question whether *decemvirate* was introduced to codify laws is answered positively here. the same as the question whether the aim of it was also to reform the system of magistrates. But how are these aims to get along with each other, for recognizing them one faces definite problems, as T. Cornell observes: if the *decemvirate* was expected to substitute consuls and tribunes forever, then codifying laws is to be regarded an unforeseen function, but if it was introduced as a provisional body for codifying laws, then it is not clear why consuls' and tribunes' activities had to be suspended?

The answer given in the article eliminates these contradictions: the *decemvirate* was introduced not as an ordinary constant magistrate, but as an extraordinary one. The author does not support other Mommsen's ideas about introducing *decemvirate*, e.g. that it was caused by a wish to liquidate plebeian tribunate. Understanding the *decemvirate* as an extraordinary magistrate enables the author to conceive a non-contradictory historical model of the office, based upon the whole of ancient literary evidence.